

Вторая речь. О сущности НОВОГО ВОСПИТАНИЯ В общих чертах

Предложенное мною средство сохранения немецкой нации вообще, к ясному пониманию которого эти речи хотели бы привести сначала Вас, а вместе с Вами и всю нацию, возникает, как средство этого рода, из свойств нашего времени, а также из национальных особенностей немецкого народа, подобно тому как это средство должно в свою очередь воздействовать на время и на образование национальных особенностей. А потому средство это нельзя будет представить Вам совершенно ясно и понятно, пока мы не сопоставим его с этими двумя моментами, а эти моменты – с ним и не представим то и другое в совершенном взаимопроникновении. А это потребует некоторого времени, и таким образом, совершенной ясности можно ожидать лишь в конце наших речей. Поскольку, однако, нам нужно начать с какой-нибудь отдельной части, уместнее всего будет рассмотреть сперва само это средство, отдельно от окружающих его в пространстве и времени обстоятельств, само по себе в его внутренней сущности; и потому именно этому предмету будет посвящена наша сегодняшняя и следующая речь.

Указанное мною средство – это совершенно новое и прежде еще никогда, ни у какой нации в таком виде не встречавшееся национальное воспитание немцев. Это новое воспитание уже в прошлой речи было, в отличие от обычного до сих пор воспитания, обозначено мною так: прежнее воспитание, самое большее, только призывало к доброму порядку и нравственности, но эти призывы остались бесплодными для действительной жизни, которая образовывалась совсем по иным, абсолютно недоступным для этого воспитания основаниям. В противоположность ему, новое воспитание должно быть способно уверенно и безошибочно образовывать и определять согласно правилам действительные жизненные побуждения и движения своих питомцев.

Пусть кто-нибудь, услышав это, скажет мне (как и действительно говорят почти все без исключения те, кто руководит воспитанием по прежнему способу): «Как же можно требовать от какого бы то ни было воспитания большего, чем только показать питомцу правду и усердно напоминать ему о необходимости следовать ей? А захочет ли он последовать этому призыву – это его собственное дело и, если он не захочет, – его собственная вина. У него есть свободная воля, которой его не лишит никакое воспитание.» Тогда, дабы еще определеннее описать характер представляющегося мне нового воспитания, я ответил бы, что именно в этом признании и в этом расчете на свободную волю воспитанника заключается первая ошибка прежнего воспитания и отчетливое признание им

своего бессилия и своей ничтожности. Ибо, признавая, что после всей его старательнейшей работы воля все-таки остается свободной, то есть колеблющейся в нерешительности между добром и злом, это воспитание признает, что образовать волю, – а поскольку воля есть подлинное корневище самого человека, образовать самого человека оно решительно и неспособно, и не намерено, и не желает, и что оно вообще считает это образование воли невозможным. Напротив, новое воспитание должно заключаться именно в том, чтобы на той почве, оценку которой оно взяло бы на свою ответственность, совершенно уничтожить свободу воли и породить в воле, напротив, строгую необходимость принимаемых решений и невозможность противоположного, и тогда на эту волю можно уверенно рассчитывать и полагаться на нее.

Всякое образование стремится произвести некоторое прочное, определенное и устойчивое бытие, которое уже не становится, но есть, и не может быть иным, чем только таким, каково оно есть. Если бы оно не стремилось создать подобное бытие, то было бы не образованием, а какой-нибудь бесцельной игрой; если бы оно не создало подобного бытия, то оно именно было бы еще не закончено. Кто еще должен побуждать себя и слушать призывы других к тому, чтобы желать добра, у того нет еще определенной и всегда готовой к действию воли, он только хочет создать себе такую волю в каждом случае, когда нужно ее применение; в ком есть эта твердая воля, тот хочет того, чего он хочет, ныне и во веки, и ни в каком возможном случае он не мог бы хотеть иначе, чем именно так, как он всегда хочет; для него свобода воли уничтожилась и растворилась в необходимости. Прежнее время именно тем и показывало, что не имеет ни верного понятия об образовании человека, ни силы, чтобы воплотить это понятие в действительности, что оно желало исправить человека проповедями-напоминаниями, и огорчалось и принималось ругаться, когда эти проповеди оставались без всяких последствий. Да и как могли бы они принести плод? Воля человека имеет ясное устремление еще до всякого напоминания, и независимо от него. Если это устремление согласуется с твоим напоминанием, то напоминание опоздало, – человек и без него все равно сделал бы то, о чем ты ему напоминаешь. Если это устремление противоречит ему, то в самом лучшем случае ты только на несколько минут заглушишь его: при первом же случае он забудет сам себя и твое напоминание и последует своему естественному влечению. Если ты хочешь чего-то от него добиться, ты должен сделать нечто большее, нежели только уговаривать его, ты должен сделать его, сделать таким, чтобы он вовсе не мог хотеть иначе, чем так, как ты хочешь, чтобы он хотел. Напрасно говорить «лети» тому, у кого нет крыльев, все твои призывы не заставят его подняться и на два шага над землей. Но развивай, если можешь, маховые перья его духа, и позволь ему испытать их и укрепить опытом, и без всяких напоминаний с твоей стороны он уже не сможет и не захочет решительно ничего иного, он будет только летать.

Эту твердую, уже не колеблющуюся волю и должно создать новое воспитание, по надежному и без исключений действующему правилу; оно само должно с необходимостью создать ту необходимость, которую намеревается получить. Все, кто стал до сих пор добрыми людьми, стали такими благодаря своим естественным задаткам, пересилившим воздействие дурного окружения; а отнюдь не благодаря воспитанию, ибо в противном случае все прошедшие это воспитание должны были бы стать добрыми; а кто опустился нравственно, в том эта нравственная порча явилась так же точно не от воспитания, ибо в противном случае порча должна была бы постигнуть всех прошедших его, – но по его

собственной вине и от его естественных задатков. Воспитание было в этом отношении всего лишь ничтожно, а отнюдь не губительно; собственно образующим средством была здесь духовная природа. И вот впредь надлежит передать образование человека, из рук этой темной и непредсказуемой силы, во власть обдуманного искусства, которое уверенно достигает своей цели во всем без исключения, что ни доверяют ему, или, там, где оно не достигнет цели, знает по крайней мере, что оно ее не достигло, и что воспитание, следовательно, еще не закончено. Итак, предлагаемое мною воспитание должно быть надежным и обдуманным искусством образовать в человеке твердую и безошибочную добрую волю; и таков будет его первый признак.

Далее – человек может хотеть только того, что он любит; его любовь есть единственный, и в то же самое время непогрешимый мотив его воли и всех его жизненных движений и побуждений. Прежнее искусство государственного управления, будучи само воспитанием общественного человека, предполагало, как надежное и без изъятия значимое правило, что каждый любит и желает своего собственного чувственного благополучия, и на этой прирожденной человеку любви с помощью страха и надежды искусственно основывало добрую волю, которую хотело воспитать, – интерес к целям общежития. Не говоря уж о том, что при этом методе воспитания тот, кто внешне стал безвредным или даже полезным гражданином, в душе остается все же дурным человеком – ибо дурная природа именно в том и состоит, что человек любит только свое чувственное благополучие, и что его можно побудить к совершению поступков только страхом или надеждой на это благополучие, будь то в настоящей, или же в будущей жизни – не говоря уже об этом, мы видели уже выше, что этот метод к нам теперь неприменим, потому что страх и надежда будут уже действовать не за нас, а против нас, а чувственное себялюбие мы никоим способом не сможем заставить действовать нам на пользу. Поэтому даже как бы сама нужда заставляет нас стремиться образовать внутренне и существенно добрых людей, ибо лишь в таких людях еще может выжить отдельная немецкая нация, из-за дурных же людей она необходимо сольется с границей. А потому на место того себялюбия, на котором отныне ничего хорошего для нас основать невозможно, нам следует утверждать и основать в душах всех, которых мы желаем считать принадлежащими к нашей нации, иную любовь, непосредственно обращенную к добру, просто как таковому и ради него самого.

Любовь к добру просто как таковому, а не ради, скажем, его полезности для нас самих, имеет, как мы уже поняли, вид благорасположения к нему: столь сердечно глубокого благорасположения, что оно побуждает нас воплотить добро в нашей жизни. Это-то сердечное благорасположение, как прочное и неизменное бытие питомца, и должно породить в нем новое воспитание; а тогда это благорасположение уже само собою послужит основанием неизменно доброй воли этого питомца, как необходимой для него. Благорасположение, побуждающее создать в действительности известное положение вещей, которого в ней не имеется, предполагает образ этого состояния, который предносится духу прежде действительного бытия этого положения, и привлекает к себе это побуждающее нас к воплощению благорасположение. Следовательно, это благорасположение предполагает в том лице, которое должно быть им охвачено, способность самодеятельного начертания подобного рода образов, независимых от действительности и являющихся отнюдь не отображениями ее, но скорее прообразами. Мне предстоит теперь, прежде всего, говорить об этой способности, и я прошу Вас не забывать в

продолжение этого рассуждения, что порождаемый этой способностью образ может нравиться именно только как образ и как нечто такое, в чем мы ощущаем нашу образующую творческую силу, хотя бы при этом мы не рассматривали его как прообраз некоторой действительности, и хотя бы он нравился нам не в такой степени, чтобы побуждать нас к воплощению; что это последнее есть нечто совершенно иное, и наша подлинная цель, о которой мы не преминем поговорить впоследствии, а это первое заключает в себе единственно лишь предварительное условие достижения подлинной конечной цели воспитания.

Эта способность самостоятельного начертания образов, которые отнюдь не суть простые отображения действительности, но которые способны становиться прообразами ее, – это первое, из чего должно исходить образование поколения в новом воспитании.

Самостоятельного начертания, – сказал я, и именно такого, чтобы питомец порождал их себе собственными силами, а отнюдь не так, чтобы он приобретал только способность пассивно воспринимать предлагаемый ему воспитанием образ, в достаточной мере понимать его, и повторять его таким, как он был ему дан, как будто бы все дело заключается только в наличности в нем подобного образа. Это требование свободной самостоятельности при создании образа (Bildern) основано вот на чем: лишь при этом условии начертанный образ может привлечь к себе деятельное благорасположение питомца. Дело в том, что одно дело – просто принимать нечто к сведению (*sich etwas nur gefallen zu lassen*), и ничего не получать при этом, каковое пассивное принятие только и может, в лучшем случае, возникнуть из пассивной отдачи; но совершенно иное дело – быть настолько охваченным благорасположением к чему-то, что это наше благорасположение становится творческим и побуждает все наши силы к созданию образов. О первом, которое, во всяком случае, также случалось порой в прежнем воспитании, мы здесь не говорим; мы ведем речь о последнем. Но это последнее благорасположение можно воспламенить в душе, только возбудив в то же самое время самостоятельность питомца и обнаружив ее перед ним на данном предмете. А тогда этот предмет нравится не просто сам по себе, но в то же время и как предмет приложения духовных сил, это же последнее нравится непосредственно, необходимо и без исключений. Эта деятельность по созданию духовных образов, которую мы должны развить в питомце, есть, без сомнения, деятельность согласно правилам, а эти правила открываются действующему, пока он не постигнет в непосредственном опыте на себе самом, что правила эти суть единственно возможные. Итак, эта деятельность порождает познание, а именно, познание всеобщих и без изъятия действующих законов. Кроме того, в этом, начинающемся с этой точки из себя самого, свободном творчестве образов невозможно предпринять что бы то ни было против закона, и поступок не будет совершен, пока закон не будет нами исполнен. Поэтому, даже если это свободное творчество образов также начнет с попыток, предпринимаемых вслепую, оно все же должно будет завершиться более полным познанием закона. Поэтому это образование есть, в конечном своем итоге, образование познавательной способности питомца, причем образование отнюдь не историческое – на основе постоянных свойств вещей, – но высшее и философское – на основе законов, по которым подобные постоянные свойства вещей становятся необходимыми. Питомец учится.

Прибавлю к этому: питомец учится охотно и с удовольствием, и пока сохраняется в нем напряжение силы, он ничего не станет делать так охотно, как учиться: ибо, учась, он самостоятелен, а охота самостоятельности в нем сильнее всего. Тем самым мы нашли

внешний, отчасти непосредственно бросающийся в глаза, отчасти же абсолютно верный признак подлинного воспитания. А именно то, чтобы, совершенно безотносительно к различию естественных задатков питомцев и без всякого исключения, любой питомец, которому передается это воспитание, учился только ради самого учения, а не по какой-либо иной причине, с удовольствием и с любовью. Мы нашли средство, как воспламенить в питомце эту чистую любовь к учению; это средство состоит в том, чтобы возбудить непосредственную самостоятельность питомца и сделать ее основанием всякого познания, так, чтобы именно в ней он учился всему тому, чему он обучается.

Просто возбудить эту собственную деятельность питомца в каком-нибудь известном нам пункте – это первый основной элемент искусства. Если это удалось, то нам нужно теперь лишь постоянно поддерживать бодрость и живость этой возбужденной в нем деятельности, а это возможно только с помощью правильного продвижения вперед, когда всякая оплошность в воспитании немедленно обнаруживается тем, что задуманное нами не исполняется. Следовательно, мы нашли ту связующую нить, которая неотделимо скрепляет предполагаемый результат воспитания с указанным образом действий воспитателя, – а именно, вечный и не знающий исключений основной закон духовной природы человека, согласно которому человек непосредственно стремится к духовной деятельности.

Если кто-нибудь, введенный в заблуждение повседневным опытом наших дней, сомневается даже в самом существовании такого основного закона, то для такого человека мы, ко всему прочему, заметим, что от природы человек, в самом деле, есть лишь чувственное и себялюбивое существо, пока его побуждает непосредственная нужда и насущная чувственная потребность, и что в этом случае никакая духовная потребность и никакие доводы осторожности не удержат его от удовлетворения этой чувственной потребности; но что, как только эта жажда устранена, он мало расположен бывает поддерживать и отделять в своей фантазии мучительный образ этой потребности, но гораздо охотнее обращает вырвавшуюся из плена мысль на свободное рассмотрение того, что привлекает к себе внимание его чувств, что он даже не откажется от поэтической прогулки по идеальным мирам, ибо ему от природы присуще легкомыслие к временному, чтобы его чувство вечного могло получить некоторый простор для развития. Последнее обстоятельство доказывает нам история всех древних народов и некоторые наблюдения и открытия, которые дошли до нас от этих народов. Это доказывает и в наши дни наблюдение за жизнью еще сохранившихся на Земле диких народов, в том именно случае, если климат их местности не слишком суров с ними, и наблюдение за нашими собственными детьми. Это доказывает нам даже добровольное признание наших ревностных борцов с идеалами, жалующихся, что учить имена и даты – занятие куда менее приятное, чем воспарять в пустое (как им представляется) пространство мира идей, так что, стало быть, сами они, если бы только могли себе это позволить, охотнее предавались бы, как может показаться, именно этому последнему, а вовсе не первому занятию. А то, что вместо этого соответствующего нашей природе легкомыслия явилась тоска и меланхолия, из-за которой даже уму сытого предносится, и непрестанно подгоняет и побуждает его будущий голод и долгая вереница всевозможных видов будущего голода, как единственное содержание, наполняющее собою его душу, – этого в нашу эпоху добилось искусство воспитателей, – мальчика строго наказывая за проявления его естественного легкомыслия, а у зрелого мужа порождая стремление считаться в мнении общества умным человеком, между тем как эта слава

достаётся ведь лишь тому, кто ни на минуту не упускает из виду именно эти самые соображения. Поэтому нам следовало бы рассчитывать отнюдь не на природу, а на ту порчу, которая была с большими трудами навязана сопротивляющейся природе и которая отпадет, как только мы перестанем напрасно тратить на это свои труды.

Это воспитание, непосредственно возбуждающее духовную самодеятельность своего питомца, рождает познание, сказали мы выше; и это дает нам повод для того, чтобы дать еще более глубокую характеристику нового воспитания в его противоположности прежнему воспитанию. Дело в том, что новое воспитание собственно и непосредственно направлено только на возбуждение правильно развивающейся духовной деятельности. Познание, как мы видели выше, возникает лишь между прочим и как неперенное последствие такой деятельности. А потому, хотя это познание, конечно же, именно таково, что единственно только в нем одном может быть постигнут тот образ для действительной жизни, которому предстоит возбуждать в будущем к серьезной деятельности нашего возмужавшего питомца, – и, стало быть, это познание составляет существенный элемент того образования, которое он должен получить; однако мы не можем сказать, чтобы это познание входило в непосредственные намерения нового воспитания; познание просто достаётся ему. Прежнее же воспитание ставило своей целью именно сообщить познание и известный объем познавательного материала. Далее, существует большое различие между тем родом познания, которое, между прочим, возникает в ходе нового воспитания, и тем родом познания, к которому стремилось прежнее воспитание. В первом возникает познание законов духовной деятельности, служащих условиями возможности этой деятельности. Если, например, питомец пытается в своей фантазии ограничить некоторое пространство прямыми линиями, то это – впервые возбужденная духовная деятельность нашего питомца. Если в этих попытках он найдет, что может ограничить некоторое пространство не менее чем только тремя прямыми, то это будет возникающее в нем между прочим познание второй, совершенно отличной, деятельности способности познания, ограничивающей ту свободную способность, которая была возбуждена в нем прежде. Следовательно, при этом способе воспитания, уже в самом его начале, возникает поистине превосходящее всякий опыт, сверхчувственное, строго необходимое и всеобщее познание, которое уже заведомо включает в себя весь возможный впоследствии опыт. Прежний же способ преподавания был обращен, как правило, только на усвоение постоянных свойств вещей, такими, как они существуют действительно, хотя мы и не можем указать тому причину, и какими мы должны признавать и примечать их, – а значит, на простое усвоение способностью памяти, которая стоит тогда всего лишь на службе неизменных вещей. А таким путем вовсе не могло возникнуть даже и смутного понятия о духе, как самостоятельном и изначальном первопринципе самих вещей. Пусть только новейшая педагогика не думает, что сумеет защититься от этого упрека, сославшись на свое часто выражаемое отвращение к механической зубрежке и на свои известные шедевры в сократической манере. Ибо на этот счет ей уже давно и основательно пояснили в другом месте, что эти сократические рассуждения также подлежат в ней лишь механическому заучиванию, и что эта зубрежка будет намного опаснее, потому что после нее питомцу, который не мыслит, все же начинает казаться, будто он может мыслить; что при том материале, который она намеревалась использовать для развития самостоятельного мышления, это и не могло быть иначе, и что с этой целью следует начинать с совершенно другого материала. Из этого свойства прежнего способа преподавания становится ясно, отчасти почему питомцы до сих пор учились, как

правило, неохотно, а потому медленно и без особого толка, и почему, за отсутствием стимулов, заключенных в самом учении, приходилось помогать делу чужеродными мотивами, – отчасти же отсюда явствуется причина того, почему и до сих пор бывали исключения из правила. Память, если мы обременяем только ее одну и если она не должна служить никакой иной духовной цели, представляет собою скорее страдательное состояние (Leiden) духа, чем его деятельность, и вполне понятно, что питомец крайне неохотно станет подвергать себя этому страданию. К тому же знакомство с совершенно посторонними и не представляющими для него ни малейшего интереса вещами и их свойствами едва ли могло возместить питомцу это причиняемое ему страдание; поэтому приходилось преодолевать его антипатию, внушая ему надежду на полезность этих знаний в будущем, и убеждая, что лишь благодаря им он сможет добыть себе и честь, и насущный хлеб, и даже прибегая непосредственно к наградам и наказаниям. Так что познание, следовательно, уже с самого начала преподносилось питомцу как простой слуга чувственного благополучия, и это воспитание, которое, как мы показали выше, в отношении своего содержания оказывалось совершенно бессильным развить нравственный образ мысли в своем питомце, должно было, чтобы только пробиться к сознанию питомца, даже сеять и развивать в нем нравственную порчу характера и связать свой собственный интерес с интересом этой коренной нравственной порчи. Мы находим, далее, что ребенок от природы талантливый, который, как исключение из правила, учился в школе этого прежнего воспитания с охотой, и потому учился хорошо, и который силою этой владеющей им высшей любви преодолевал моральную испорченность своего окружения и хранил свой ум в чистоте, питал к этим предметам, благодаря присущей ему от природы наклонности, практический интерес, и что он, ведомый своим благотворным инстинктом, стремился более к тому, чтобы самому порождать такого рода познания, чем к тому, чтобы просто усваивать их. Оказывается также, что те учебные предметы, в преподавании которых (как исключение из правила) это прежнее воспитание чаще всего и больше всего преуспевало – а это все такие предметы, в которых оно поощряло деятельность при изучении их, например, тот ученый язык, в обучении которому все было направлено на умение писать и говорить на нем, – питомцы почти всегда усваивали весьма хорошо, тогда как другие, учителя которых пренебрегали упражнениями в чтении и письме, они усваивали, как правило, очень плохо и поверхностно, а в зрелые годы забывали совсем: А потому из свойств прежнего воспитания следует, что только развитие духовной деятельности при преподавании наук порождает в питомцах удовольствие от познания, просто как такового, а тем самым сохраняет и сердце их открытым нравственному образованию. Напротив, чисто пассивное получение знаний расслабляет и умерщвляет способность познания, и так же точно испытывает необходимую потребность до основания испортить в питомцах нравственное чувство.

Возвращаясь к разговору о питомце нового воспитания: ясно, что этот питомец, влекомый своей любовью, усваивает много, а поскольку он усваивает все во внутренней взаимосвязи и непосредственно действием упражняется в том, что усвоено, – он выучивает это многое правильно и не сможет его когда-либо забыть. Но это все же – не самое важное. Более важно то, что эта любовь возвышает его самость, вводит ее обдуманно и правильно в некий новый порядок вещей, в который до сих пор случайно попадали лишь немногие любимые Богом гении. Его влечет любовь, устремляющаяся отнюдь не к какому-нибудь чувственному наслаждению, – это последнее как мотив жизни совершенно умолкло в нем, – но к духовной деятельности, ради самой деятельности и к ее закону, ради самого закона. И хотя

нравственность имеет целью не эту духовную деятельность вообще, но для нее нужно еще и особенное направление этой деятельности, однако эта любовь составляет общее свойство и форму нравственной воли; а потому этот способ образования духа служит непосредственным приготовлением к образованию нравственному. Безнравственность же оно совершенно и в корне истребляет, отнюдь не позволяя чувственному наслаждению стать когда-либо мотивом воли. До сих пор именно этот мотив старались возбуждать и формировать прежде всех прочих, ибо полагали, что иначе совершенно невозможно будет обработать натуру ученика и иметь на него хоть какое-то влияние. И потому, если впоследствии нужно было развить в нем нравственный мотив, то этот мотив являлся слишком поздно и находил сердце питомца уже занятым и исполненным иной любовью. Напротив, новое воспитание должно поставить на первое место образование чистой воли, чтобы, если позднее в душе все-таки проснется или будет возбужден извне эгоизм, он явится слишком поздно и не найдет себе места в душе, которая уже всецело занята чем-то другим.

Уже для этой первой цели, как и для второй, которую мы сейчас укажем, существенно то, чтобы питомец с самого же начала и непрерывно находился под воздействием этого воспитания и чтобы его совершенно отстранили от всего пошлого и не допускали его ни в чем соприкасаться с пошлостью. Он вовсе не должен слышать ни разу, будто в жизни нужно действовать и шевелиться ради своего выживания и благополучия, как не должен он слышать, будто для того именно люди и учатся, или будто учение может хоть несколько помочь в этом отношении. Отсюда следует, что нам следует сообщить ему единственно лишь духовное развитие в вышеуказанном смысле, и что этим своим развитием он должен быть занят непрерывно, но что этот способ преподавания отнюдь не должно чередовать с другим, требующим противоположного чувственного мотива.

Но, хотя это духовное развитие не позволяет зародиться эгоизму и дает форму нравственной воли, однако оно еще не есть оттого сама эта нравственная воля; и если бы предлагаемое нами новое воспитание не пошло здесь далее, то оно воспитало бы в лучшем случае превосходных тружеников науки, какие бывали и прежде, которых нужно совсем немного и которые смогли бы сделать для нашей подлинной человеческой и национальной цели несколько не больше того, что удалось сделать и до сих пор всем им подобным: наставлять и увещевать, и вновь наставлять и увещевать, и тем вызывать к себе немое удивление, а при случае и брань из публики. Между тем ясно, и мы уже это сказали выше, что эту свободную деятельность духа нужно развивать с той целью, чтобы питомец мог свободно начертать эту деятельность образом нравственного порядка действительно существующей жизни, усвоил этот образ своей любовью, которую мы также уже сумели развить в нем, и чтобы эта любовь побуждала его действительно воплотить этот образ своей жизнью и в своей жизни. Спрашивается: как новое воспитание сможет доказать себе, что оно достигло в своем питомце этой своей подлинной и конечной цели?

Ясно, прежде всего, что духовную деятельность в питомце, которую он уже упражнял ранее на других предметах, следует побудить к тому, чтобы начертать образ общественного порядка человеческой жизни, каким он безусловно должен быть согласно закону разума. Правилен ли этот начертанный питомцем образ – это воспитание без труда сумеет определить, если только само располагает этим правильным образом. И то, был ли образ

этот начертан собственной самодеятельностью питомца, или же усвоен им лишь пассивно и бездумно повторен слово в слово за учителем, а кроме того, достиг ли он в нем надлежащей ясности и живости представления, – воспитание сумеет оценить так же точно, как оно выносило верное суждение в этом отношении по прежним предметам обучения. Все это есть еще дело одного познания и остается во вполне доступной для нашего воспитания области этого познания. Но совсем иной и высший вопрос заключается в том, охвачен ли наш питомец столь пылкой любовью к этому порядку вещей, что для него, когда он выйдет из руководства воспитания и будет предоставлен своей самостоятельности, будет абсолютно невозможно не желать этого порядка и не трудиться всеми своими силами для содействия его воплощению? А на этот вопрос, без сомнения, нам смогут ответить не слова и не словесные экзамены, но только вид поступков нашего питомца.

Эту последнюю задачу, поставленную перед нами этим последним рассуждением, я решаю так: Питомцы этого нового воспитания, хотя они и изолированы от уже возросшей пошлости, будут все же, без сомнения, жить сами в обществе друг с другом, и потому составят некоторое обособленное и самобытно существующее общежитие, в котором будет свое точно определенное, обусловленное природой вещей и, безусловно, требуемое самим разумом, общественное устройство. Самым первым образом порядка общения, начертать который мы побуждаем дух нашего питомца, станет образ той общины, в которой живет он сам, так что он будет внутренне принужден образовать в себе образ этого порядка во всех чертах точно таким, каким он предначертан ему в действительности, и будет понимать основания этого порядка как совершенно необходимого во всех частях. И это, опять-таки, есть дело одного лишь познания. В действительной жизни каждому индивиду в этом общественном порядке постоянно приходится отказываться, ради целого, от весьма многих поступков, которые он без колебания совершил бы, будучи в одиночестве; и потому будет целесообразно, чтобы в законодательстве и в школьном преподавании, которое должно быть на нем основано, каждому индивиду представляли всех прочих индивидов питающими такую доведенную до идеала любовь к порядку, какая в подобной силе не свойственна, быть может, в действительности ни одному из них, но должна быть присуща им всем; и чтобы это законодательство достигло таким образом значительной строгости и предписывало воздерживаться от весьма многих поступков. К этому не-деянию, как тому, что безусловно должно быть и на чем основано существование общества, следует принуждать, если потребуется, даже и страхом перед совершающимся наказанием; и этот уголовный закон следует исполнять безусловно без всяких послаблений и исключений. Этим применением страха как влечения мы не причиним никакого вреда нравственности питомца, ведь таким способом мы хотим побудить его не к добру, но лишь к воздержанию от того, что в этом устройстве является злом. Кроме того, уроки, посвященные общественному устройству должны с полной ясностью пояснить питомцу, что тот, кто испытывает нужду в представлении о наказании или в постоянном обновлении этого представления самим действительным наказанием, тот еще находится на очень низкой ступени образования. При всем том, однако, ясно, что, коль скоро мы никогда не можем знать, повинуется ли человек из любви к порядку или из страха перед наказанием, в этой сфере ни питомец не может изъяснить внешним действием свою добрую волю, ни воспитатель – оценить ее.

Сфера же, где подобная оценка возможна, вот какова. Устройство общежития должно быть, далее, таким, чтобы индивид не только был вынужден воздерживаться от поступков ради целого, но чтобы он мог также и действовать и деятельно работать ради этого целого. Помимо духовного развития в учебе, в этом общежитии питомцев есть еще и физические упражнения и механический, однако облагороженный до идеала, труд – земледелие и некоторые ремесла. Основным правилом устройства этого общежития будет то, чтобы каждому, кто окажет особые успехи в какой-нибудь из этих областей, вменялось в обязанность помогать учить этому других и взять на себя известный контроль и известную ответственность; чтобы каждому, кто найдет какое-нибудь улучшение или первым и яснее всех поймет улучшение, предложенное учителем, вменялось собственным трудом реализовать его, хотя это и не освобождает его от других само собою подразумевающихся его личных обязанностей в учебе и в труде; чтобы каждый по доброй воле, а не по принуждению, исполнял эту свою обязанность, коль скоро тот, кто не желает, также волен отказаться исполнить ее; чтобы за ее исполнение питомец не мог ожидать себе какого-либо вознаграждения, – ведь в этом устройстве все совершенно равны в отношении труда и наслаждений, – ни даже похвалы, – ведь в этой общине господствует такой образ мысли, что, делая так, каждый только исполнит свой долг, – но чтобы он чувствовал только радость от своей деятельности на благо целого и от успеха этой деятельности, если такой успех достанется ему на долю. Следовательно, в этом устройстве усвоивший себе особенные умения и затративший на это труды приобретет себе тем только новые труды и работы, и именно самому прилежному придется подчас бодрствовать, когда другие спят, и предаваться размышлениям, когда другие играют.

Питомцев, которые, несмотря на то что все это им совершенно ясно и понятно, тем не менее по-прежнему с радостью принимают на себя и этот первый труд, и следующие за ним новые труды, так что на них можно уверенно положиться, и которые, чувствуя свою силу и деятельность, неизменно сильны и становятся все сильнее, – таких питомцев воспитание может отпустить в мир со спокойным сердцем. В них оно достигло своей цели; в них оно заронило искру любви, и эта любовь горит в них до самых корней их жизненных побуждений, и отныне она охватит в них и все без исключения, что затронет в них это живое побуждение. И в большом общежитии, в которое они отныне вступают, они никогда не сумеют быть чем-то иным, нежели чем они неизменно и неколебимо были в том малом общежитии, которое покидают ныне.

Таким образом питомец будет совершенно подготовлен для тех будущих и всех без исключения касающихся требований, которые предъявит к нему мир, и то, чего требует от него воспитание именем этого мира, вполне совершилось. Но он еще не закончен в себе и для себя самого, и еще не совершилось в нем то, чего он сам может требовать от воспитания. Когда будет исполнено и это требование, он тем самым обретет в то же время и способность удовлетворить притязаниям, которые, в особенных случаях, может предъявить к нему высший мир именем мира настоящего.